

ЭЛЕМЕНТЫ САМООРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Р.Р. БЕЛЯЛЕТДИНОВ

Когда мы обсуждаем проблему самоорганизации микросоциальных структур власти, то речь не должна ограничиваться феноменом современной дедовщины. История свидетельствует о глубоких корнях, лежащих в основании этого и подобных ему явлений. Более того, поспешно будет предполагать, что архетипически воспроизводящиеся в различных географических и исторических регионах структуры доминирования и подчинения фундируют лишь иерархические авторитарные аппараты власти (армейского типа). На самом деле они играют свою конструктивную роль и в демократической самоорганизации жизни человеческих сообществ, отмеченных духом свободомыслия, идейного плюрализма, реального (а не казенного) самоуправления. Примером подобного сообщества является средневековый университет.

Средневековый университет был образованием не только институциональным, но и духовным (не в религиозном, а в секулярном смысле этого слова). «Студенческий дух» был ключевым элементом в механизме университетской самоорганизации и позволял университету адаптироваться к различным историческим ситуациям, и что еще более важно – интеллектуально развиваться. Хотелось бы кратко отметить несколько характеристик, которые определяли университет как профессиональное сообщество, среди них университетская автономия, интеллектуальный плюрализм и стихийная самоорганизация.

Университетская автономия

Средневековые университеты возникли из школ, расположенных при крупных Соборах. Например, одной из

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Философско-антропологический анализ самоорганизации неформальных структур власти в закрытых коллективах (на примере дедовщины)», грант № 08-03-00590а.

таких школ была Шартрская школа, крупный образовательный и философский центр первой половины XII в.

Одной из характеристик Шартрской школы была широта интересов магистров, открытость и поиск новых знаний. Например, Гильом из Конша занимался физическими теориями. Теодорик Шартрский – космогонией. Развиваемые им в сочинении «О семи днях и шести различных деяниях» идеи перекликаются с идеями платоновского «Тимея», известного в XII в. в переводе Халкидия.

Значительное внимание шартрцы уделяли грамматике, которая рассматривалась ими как неотъемлемая часть логики. Гильом из Конша, Тьерри Шартрский, Гильберт Порретанский комментировали «*Institutiones Grammaticae*» Присциана. Занимаясь грамматикой, шартрцы уделяли внимание чтению классической латинской литературы. Главу Шартрской школы, Бернарда Шартрского, Иоанн Солсберийский называет «самым изобильным источником литературы в Галлии»¹.

Из интеллектуальной широты взглядов выростала и институциональная независимость. Средневековый университет – это корпорация, в которую входили учителя и ученики, а правила корпорации определялись самими ее членами. Эта независимость была необходима университету в силу самой природы интеллектуальных занятий, требующих известной свободы и самостоятельности. Университет в средние века – «самоуправляем, и потому самостоятельно выработывал собственные правила и уставы»².

Большинство средневековых университетов находилось под покровительством Церкви и получало привилегии. Среди этих привилегий было освобождение от воинской повинности, налогов, право на формирование образовательной программы, право наказывать студентов.

Устройство университетов не было однородно и они различались по модели управления: Парижский университет (а также большинство университетов, расположенных на севере Европы) управлялся магистрами, а Болонский университет (и большинство университетов, расположенных на юге Европы) – студентами. К концу средних веков в Европе насчитывалось около 80 университетов. Это

было значительное сообщество, основанное на принципе самоорганизации, вытекающей из университетской автономии.

Интеллектуальный плюрализм

Поскольку университет – институт интеллектуальный, главную роль в нем играла научная жизнь. Не всегда она протекала гладко, а в большинстве случаев была переполнена контroversиями.

Например, в середине XII в. интеллектуальная атмосфера в Европе в очередной раз накалилась в связи с тем, что старые представления о том, как следует изучать логику, уступали место новым идеям, выдвигаемым «мятежными» магистрами, среди которых был и Абеляр. Видение логики как науки вспомогательной, заданное еще Боэцием, заменяется интересом к чистым логико-грамматическим исследованиям. Стремление заниматься логикой профессионально, как самостоятельной наукой, стало привлекательным занятием для нового поколения интеллектуалов, чему способствовал перевод на латинский язык ранее неизвестных сочинений Аристотеля, входящих в логический корпус «Органона».

Диалектические диспуты в это время больше напоминали спортивные состязания. Вс. Бахтин так описывает тот период: «Узлом, в котором внешние бытовые формы теснее всего сплетались с путями нового научного творчества, был диспут. Он – воплощение диалектики, той науки сегодняшнего дня, которая всколыхнула весь латинский мир, постоянно порождая все новые научные, а за ними и иные ереси...». «В те дни школяры, изучавшие Тривий, – продолжает Бахтин, цитируя Геральда Камбрезийского, – опуская почти вовсе два необходимых предмета (т.е. грамматику и риторику), чуть не бегом спешили к занятиям логикой»³. В качестве иллюстрации многообразия интеллектуальных подходов в середине XII в. в приложении к этой статье приводится фрагмент из книги «Металогик» Иоанна Солсберийского, являющий собой пример интеллектуального многообразия того времени.

Студенческая неформальная самоорганизация

Ключевым элементом университетской жизни был студент — искатель знаний, обособленный от других групп средневекового общества. Студенты переходили от одного учителя к другому, изучали различные предметы, начитывали тексты и искали магистров, которые бы соответствовали их требованиям. Так про одного студента, ученика Фулберта, говорили: «Он собирает знания по школам, как пчела свой мед по цветам»⁴.

Студенты были особой социальной средой: они имели официальные статусы — статус ученика того или иного магистра, принадлежность к факультету и специальности, а, кроме того, студенты должны были причащаться и к неформальной студенческой жизни. Это было возможно в рамках обряда студенческой инициации, постепенно вошедшей в традицию и даже сохранившейся до нашего времени. Форма инициации была стихийной по своей сути, однако выполняла важную функцию — положить предел между прежней жизнью человека, в нашем понимании — абитуриента, и новой жизнью в положении студента.

Пожалуй, наиболее ярким примером инициации в студенты был обряд «Сбивание рогов» (*depositio cornuum*), исполнение которого было призвано превратить желающего стать студентом неопита в полноправного члена студенческого сообщества. Обряд состоял в унижении бакалаврами студента-новичка, который звался «быком» — «существом нечистым и вонючим», чуждым студенческой жизни.

В процессе инициации «новичка заставляли выполоскать рот мочой, съесть несколько пилюль из дерьма, имитировать вырывание зуба (на сей случай вставляют в ром испытуемому специально припасенный деревянный зуб). А заканчивали пародийно схоластическим испытанием на сообразительность:

— Была ли у тебя мать?

— Да.

Беан получает зуботычину.

— Врешь! Ты у нее был»⁵.

Столь болезненные испытания позволяли не только младшим побороться за положение студента, но также и

старшим почувствовать себя «стариками», т.е. знатоками студенческой жизни.

Средневековый университет развивался как сложное самоорганизующееся сообщество, для которого саморегулирование было ключевым условием существования. Между тем саморегулирование не исключало элементов принуждения, но его особенностью была управляемость принадлежащая самим же студентам или избранным для управления университетом магистрам. Университетская жизнь, несмотря на все элементы принуждения, оставалась интеллектуально раскованной и нацеленной на поиск и обретение новых знаний.

Примечания

¹ *Johannes Saresberiensis*. *Metalogicon*, I, 24. J. B. Hall / K. S. B. Keats-Rohan, 1991.

² Рабинович В.Л. Исповедь Книгочея, который учил букве, а укреплял дух. М., 1991. С. 36.

³ Бахтин Вс. Школьная жизнь в Париже XII в. // Средневековый быт. Л. 1925. С. 224.

⁴ Цит. по: Рабинович В.Л. Исповедь Книгочея, который учил буквы, а укреплял дух. М., 1991. С. 34.

⁵ Там же. С. 42.